

В.Н. Зима

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ ВРЕМЕНИ В ФИЛОСОФИИ

МОНОГРАФИЯ

МЕДАТЕЛСТВО
Прометей

Вадим Зима

**Проблема объективности
времени в философии**

«Прометей»

2019

УДК 115
ББК 87

Зима В. Н.

Проблема объективности времени в философии / В. Н. Зима —
«Прометей», 2019

ISBN 978-5-907166-73-8

Почему существует время? Как понимание природы объективного времени может помочь человеку найти правильные ответы на смысло-жизненные вопросы и вопросы об устройстве мироздания? Каково значение идеи объективности времени для постановки и решения проблемы времени в философии? С какими трудностями сталкивается познание объективного времени? Как следует оценивать возможности естественных наук в познании объективного времени? Как получить когерентную теорию объективного времени? Какую теорию объективного времени следует считать наилучшей и почему? На эти и другие вопросы читатель найдёт ответы в монографии, посвященной проблеме объективности времени. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 115
ББК 87

ISBN 978-5-907166-73-8

© Зима В. Н., 2019
© Прометей, 2019

Содержание

Введение	6
Глава 1	8
1.1. Вопрос об объективности времени в современной философии и его значение для постановки проблемы времени	8
1.2. Влияние тезиса об объективности времени на постановку и решение проблемы времени в отечественной философии	15
1.2.1. Вопрос об объективности времени и диалектико-материалистическая традиция	15
1.2.2. Новые тенденции в подходах к постановке и решению проблемы времени	22
1.2.3. Проблема объективности времени в современной отечественной философии	24
1.2.4. Постановка проблемы времени в работах современных авторов и вопрос об объективности времени	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Вадим Николаевич Зима
Проблема объективности
времени в философии

© Зима В.Н., 2019

© Издательство «Прометей», 2019

Введение

(объективное время и смысложизненные вопросы)

Время является одним из наиболее сложных объектов для осмысления. Несмотря на то, что практически все основные вопросы о времени в философии были поставлены ещё на заре её существования, а обращение к истории философии позволяет обнаружить самые разные варианты ответов на эти вопросы, между исследователями до сих пор нет согласия относительно того, можно ли эти ответы (и если да, то какие именно) считать удовлетворительными, а «загадку времени» разгаданной. В этом смысле тема времени оказывается для философии поистине «вечной» и, очевидно, в данном качестве сохраняет свою актуальность и по сию пору.

Однако актуальность темы времени определяется не только данным обстоятельством, но, прежде всего, тем, что категория времени (наряду с категориями свободы воли и сознания) относится к числу таких философских категорий, результаты рефлексии которых имеют выраженное мировоззренческое значение в плане ответа на смысложизненные вопросы. Это легко понять, если вспомнить, каковы те основные вопросы о времени, которые с давних пор и по сей день привлекают внимание исследователей, и которые, на первый взгляд, определяются всего лишь спецификой природы самого времени, а также, возможно, и его конституирующей ролью в познавательной деятельности человека. Среди них главными являются два основных – «что такое время?» и «каков онтологический статус времени, то есть, в какой степени его ключевые характеристики связаны с ним самим или, шире, с природой объективной реальности, а в какой – обусловлены природой субъекта?». Вопросы эти, однако, имеют не только теоретическое, но и смысложизненное значение, и обусловлено это тем, что время для человека воспринимается как то нечто, с чем неразрывно связаны такие важнейшие характеристики человеческого бытия, как изменчивость, бренность и конечность. Именно в свете последнего обстоятельства выясняется, что идея объективности времени оказывается в некотором роде уникальной среди других философских идей, едва ли не самой «упрямой» в мировоззренческом отношении, а также наиболее «чувствительной» к результатам дискуссий между реалистами и антиреалистами, между сторонниками классического и сторонниками неклассического подходов в современной эпистемологии. Определяется это одним фундаментальным для человека обстоятельством, которое можно взять в качестве своего рода точки отсчёта: человек смертен, и смерть является важнейшим измерением и гранью человеческого бытия. Конечно, смерть может пониматься различным образом: либо как абсолютный конец того существа, которое до этого было живым, и его последующий распад на элементы, либо как переход в иную жизнь. Однако и в том, и в другом случае речь идёт о некотором объективном порядке вещей, который оказывается возможным именно благодаря тому, что время является чем-то объективно существующим и обладающим некоторыми вполне определёнными свойствами, конституирующими наше собственное бытие. Объективность времени для человека проявляется самым непосредственным образом в том, что в объективном и неминуемом порядке вещей, от нашего рождения до смерти, практически ничего не зависит от нашего субъективного и ценностного отношения к данному порядку. Мы можем временем «пользоваться», радоваться или скорбеть о том, что мы – существа, обладающие временной природой, но практически не можем отменить естественный ход и иные фундаментальные свойства самого времени. Таким образом, уникальность категории времени в философии проявляется в том, что время оказывается такого рода «сущностью», попытка представления которой в рамках неклассической эпистемологической парадигмы, исключающей саму возможность говорить об объективной реальности, приводит к весьма нетривиальным, а по существу парадоксальным, в мировоззренческом плане выводам. Если время субъективно или если субъекта из нашего знания о

мире исключить невозможно, то невозможно последовательно утверждать, что наша бренность и смертность действительно являются фактами такого рода, к которым мы должны относиться подобающе серьёзным и предельно ответственным образом.

Таким образом, можно утверждать, что для философии актуально не просто и не только изучение времени и понимание природы времени; актуально изучение именно объективного времени. И актуальность эта в современную эпоху только возрастает, что определяется следующими двумя основными факторами. Во-первых, несмотря на то, что традиция изучения объективного времени в философии имеет очень долгую историю, начиная с эпохи Нового времени по разным причинам представления об объективности времени в философии утратили своих сторонников и уступили место альтернативным подходам к пониманию времени. Только со второй половины XIX и, особенно, начиная с XX столетия, идея объективности времени вновь стала привлекать внимание исследователей, а затем приобрела важнейшее значение в рамках диалектико-материалистической традиции, аналитической философии, а также в философии науки. В связи с этим, обращают на себя внимание два обстоятельства: а) для современной философии идея объективности времени актуальна сама по себе и б) она получает своё решение в рамках принципиально иных подходов, чем это имело место в рамках классической метафизики. При этом существует понимание того, что большинство традиционных проблем, связанных с созданием концепции объективного времени, по-прежнему далеки от своего окончательного решения. Во-вторых, осознание последнего обстоятельства всё чаще побуждает исследователей обращаться к вопросу о том, насколько различные традиции в философии, причём как классические, так и современные, в принципе преуспели в создании последовательной и непротиворечивой концепции объективного времени. Обращение к работам современных авторов показывает, что многие из них считают, что для решения проблемы времени подходы, предложенные в рамках классической метафизики, оказываются даже более предпочтительными, чем современные подходы, что, в свою очередь, приводит к росту интереса к изучению проблемы объективности времени в историческом контексте. Вместе с тем можно констатировать, что уровень рецепции тех трудностей, с которыми в теоретическом плане сталкивается идея объективности времени в современной философии, является по-прежнему совершенно недостаточным. Последнее означает актуальность критического анализа подходов к решению проблемы объективности времени, разрабатываемых в современной философии. Таким образом, вопросы о том, каким критериям должна соответствовать последовательная и непротиворечивая концепция объективного времени, с какими трудностями сталкивается её создание и т. п., то есть, об общих закономерностях ответа на вопрос, «что представляет собой объективное время», остаются открытыми и имеют вполне самостоятельное теоретическое значение для философской онтологии.

Наконец, для понимания актуальности исследования объективного времени немаловажную роль играет то обстоятельство, что анализ закономерностей основных способов решения вопроса о природе объективного времени, которые имели место в истории философии, показывает, что практически все они в методологическом плане были связаны с использованием представлений о сложной иерархии качественно разнородных в темпоральном отношении и тесно связанных между собой уровней мироздания. Последнее означает, что выяснение всего спектра возможных подходов к решению вопроса о природе объективного времени действительно имеет важнейшее мировоззренческое значение, поскольку позволяет пролить дополнительный свет также и на решение фундаментального вопроса о природе и месте человека в мире. Можно утверждать, что идея объективности времени, будучи взята в качестве некоторой точки отсчёта, способна выполнить важную методологическую и эвристическую функцию в выявлении релевантного спектра ответов на данный вопрос.

Глава 1

Проблема объективности времени в современной философии

1.1. Вопрос об объективности времени в современной философии и его значение для постановки проблемы времени

Время традиционно является одной из наиболее значимых в мировоззренческом отношении и вместе с тем чрезвычайно трудных для рефлексии категорий. Непростая ситуация с познанием времени сохраняется и в современной философии. В своем интегральном выражении в отечественной литературе эта ситуация наиболее известна под названием «проблемы времени»¹. Наряду с данным термином существуют и другие, качественно иные в теоретико-познавательном отношении, и это дополнительно подчёркивает действительный характер трудностей, связанных с рефлексией времени. Поэтому совсем не случайно, что исследователи и по сей день не скупятся на различные эпитеты и продолжают говорить о «тайне времени»² либо «загадке времени»³ для того, чтобы подчеркнуть в некотором роде исключительный характер феномена времени и трудностей его познания. А излюбленными их словами, которые призваны проиллюстрировать всю сложность стоящих перед исследователем времени задач, как правило, оказываются слова, произнесенные Августином Блаженным: «Что такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю»⁴. Эпитеты такого рода, конечно, способствуют привлечению интереса к изучению времени, однако в теоретическом плане их ценность невелика, поскольку ясности в понимании феномена времени они не прибавляют. С другой стороны, их использование обусловлено рядом объективных причин и является своего рода показателем особого статуса времени в философии в качестве предмета познания и способом подчеркнуть этот статус. Дело в том, что при изучении феномена времени и сегодня, как и на протяжении практически всей истории его исследования, обнаруживается очень существенный разрыв между тем, *что* мы знаем с нашей точки зрения об объективных свойствах времени (и знаем нечто очень важное для нас самих) в экзистенциальном плане, с одной стороны, и имеющимися в наличии теоретическими средствами, которые бы позволили адекватно представить эти свойства, с другой. А именно: с нашей точки зрения *время реально, оно течёт и течёт неуловимо и никогда вспять* (иначе, откуда брэнность и конечность земного существования?), *и существует настоящее*. Однако с точки зрения концептуального представления именно эти

¹ Надо вместе с тем заметить, что этот термин не является исключительным в данном отношении. В современной англоязычной философии, например, более распространен другой – «философия времени», что, впрочем, не умаляет объективного значения того факта, что в обоих случаях речь идёт по сути об одном и том же – наличии ряда определённых общепризнанных проблем, которыми тема времени в философии представлена в её актуальном измерении. Другое дело, что список этих проблем в рамках различных философских традиций может довольно существенно различаться.

² Казарян В.П. Темпоральность и естественные науки // На пути к пониманию феномена времени: конструкции времени в естествознании. Ч. 3. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 30.

³ Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 5.

⁴ Августин Блаженный. Исповедь, XI, 14.

свойства времени вызывают наибольшие затруднения, и, более того, основные теоретические выводы о времени скорее противоречат нашему опыту.

Также речь может идти о «парадоксе времени»⁵, «парадоксах времени»⁶, «парадоксальности»⁷ либо «апоретичности времени»⁸. В теоретико-познавательном отношении рассмотрение времени в качестве парадокса или источника парадоксов имеет гораздо большую ценность, поскольку в этом случае авторы, как правило, уточняют, о каких свойствах времени идёт речь и в чём именно состоит та трудность, с которой сталкивается исследователь. Однако анализ контекста использования этих, на первый взгляд сходных, словоупотреблений позволяет обнаружить определенную несогласованность им присущую. Например, возникает следующий вопрос: *парадокс* или *парадоксы*? О *парадоксе времени* говорят И. Пригожин и И. Стенгерс. В их понимании он связан с выбором ответа на вопрос, является ли стрела времени очевидной и объективной характеристикой природных процессов (и тогда возникает либо необходимость объяснить, «каким образом может возникнуть стрела времени из фундаментальной концептуальной схемы физики... из симметричного по времени мира?»), или это не более чем иллюзия⁹. Однако подавляющее большинство авторов склонны употреблять термин «парадокс» применительно ко времени во множественном числе. Такой подход представляется более релевантным и, кроме того, в этом случае происходит важное обобщение в отношении характера и свойств времени в качестве объекта познания – выявление его парадоксальности.

Вместе с тем можно заметить, что парадоксальность в качестве важной характеристики времени в эпистемологическом отношении разными авторами оценивается различным образом. Так, например, Г. Рейхенбах считает, что обнаружение в течении времени парадоксов является не чем иным, как результатом эмоциональной реакции человека (своего рода защитным психологическим механизмом) на неотвратимость хода времени, результатом страха перед смертью¹⁰. «С помощью парадоксов стремятся дискредитировать физические законы, которые возбуждают глубокий эмоциональный антагонизм» – пишет он¹¹. Другие авторы оценивают парадоксальность времени иным образом и склонны считать его существенной чертой самого феномена времени в качестве объекта исследования. Так, по мнению Л.Н. Любинской и С.В. Лепилина, «время относится к разряду объектов, которые, по меньшей мере, с трудом мыслятся логически непротиворечивым образом; попытка помыслить их нередко приводит к возникновению апорий»¹². Задаваясь вопросами о причине парадоксов, возникающих в познании феномена времени, и их природе, авторы указывают на три возможные альтернативы: либо сам феномен времени является противоречивым, либо речь идет о его неверном понимании, либо применяемые в отношении данного феномена логика и онтология не являются адекватными его природе¹³. Примечательна в этом отношении точка зрения П. Рикёра, который формулирует апорию темпоральности как тезис о невозможности представить время

⁵ Пригожин И., Стенгерс И. *Время, хаос, квант* / Пер. с англ. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. С. 4.

⁶ Любинская Л.Н., Лепилин С.В. *Проблема времени в контексте междисциплинарных исследований*. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 248–249; Рейхенбах Г. *Направление времени* / Пер. с англ. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 15.

⁷ Любинская Л.Н., Лепилин С.В. Указ. соч. С. 248–259. А современный метафизик Е. Лау, например, называет время одновременно и «наиболее загадочным и парадоксальным свойством мира» (Lowe E.J. *The possibility of Metaphysics*. Oxford: Clarendon, 1998. P. 84).

⁸ Ricoeur P. *Time and Narrative*. Vol. 3. The University of Chicago Press, Chicago, L., 1990. P. 12–96.

⁹ Пригожин И., Стенгерс И. Указ. соч. С. 4.

¹⁰ Рейхенбах Г. Указ. соч. С. 14–15.

¹¹ Там же.

¹² Любинская Л.Н., Лепилин С.В. Указ. соч. С. 250.

¹³ Там же. С. 251.

исключительно посредством лишь одного из двух альтернативных способов его рассмотрения – космологического либо феноменологического¹⁴.

Ещё одной специфической чертой указанного способа представления трудностей в познании времени является то, что часто само содержание и основные аспекты того, что выявляется в качестве парадокса, задаются узким дисциплинарным контекстом, и в итоге мы можем столкнуться с ситуацией, когда один и тот же термин разными исследователями или в различных дисциплинах используется в разных значениях без дополнительных пояснений. Тот парадокс, о котором говорят Пригожин и Стенгерс, относится к проблемному полю физики, в лучшем случае – философии науки, тогда как для метафизики¹⁵ разговор о парадоксах времени традиционно ассоциируется с парадоксами, сформулированными Аристотелем (о существовании времени и начале времени) и Дж. Мак-Таггартом (о нереальности времени). Ни физикам, ни метафизикам данное различие, очевидно, не мешает в их исследованиях, однако только до тех пор, пока на повестке дня не оказываются такие ключевые для современных исследований времени вопросы, как, например, вопрос о соотношении естественнонаучных и философских данных о времени или вопрос о методах исследования времени в качестве междисциплинарного феномена; понятно, что здесь проблема универсализации в употреблении понятий выходит на первый план.

Но наиболее распространенным способом обозначения трудностей, возникающих в ходе рефлексии времени, всё-таки является использование понятия «проблема времени». Вряд ли можно усомниться в том, что постановка проблемы – один из ключевых этапов в познании, а её характером определяются дальнейшие стратегии исследования. И феномен времени в этом плане не может считаться чем-то исключительным. Кроме того постановка проблемы – свидетельство «зрелости» состояния исследований. Однако, при ближайшем рассмотрении выясняется следующий примечательный момент: так называемая «проблема времени» сама в целом ряде аспектов оказывается «проблемой». Как, например, отмечает известный отечественный исследователь времени Ю.Б. Молчанов в своей работе, посвященной как раз ответу на вопрос, «что такое проблема времени»¹⁶, «прежде чем решить какую-то проблему, нужно правильно ее сформулировать»¹⁷, а «проблеме времени в этом отношении до сих пор не очень-то «везло». Хотя она привлекала и привлекает внимание исследователей всех философских школ и направлений, а также многих естествоиспытателей с глубокой древности до наших дней, она в большинстве случаев ставилась и ставится неясно и недифференцированно»¹⁸. А вот мнение другого известного отечественного исследователя времени А.М. Анисова. «По прочтении подавляющего большинства из многочисленных статей и книг, посвященных проблеме времени», – пишет он, – «возникает неприятное ощущение, что нас ввели в заблуждение. Речь зачастую идет не о времени как таковом, а о явлениях иного рода, хотя и имеющих какое-то отношение к феномену темпоральности. Пишут «время», а в действительности говорят о периодических процессах, часах, возрасте, математических структурах (которые без должных оснований объявляются моделями времени), высказываниях о времени, процедурах измерения времени и т. д.»¹⁹.

¹⁴ Ricoeur P. Op. cit.

¹⁵ Термин *метафизика*, как известно, может употребляться в различных значениях. Здесь и далее, там где это специально не оговаривается, я буду использовать данный термин в значении референта понятия *объективная реальность* и, соответственно, для обозначения раздела философии, который имеет своим предметом эту реальность. Термин *онтология* употребляется в значении категориальной структуры, используемой для описания реальности.

¹⁶ Молчанов Ю.Б. Проблема времени в современной науке. М.: Наука, 1990. С. 3.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 4.

¹⁹ Анисов А.М. Свойства времени // Логические исследования. Вып. 8. М.: Наука, 2001. С. 5.

Замечание Ю.Б. Молчанова относительно современного ему состояния проблемы времени, которое он высказал без малого тридцать лет назад, на мой взгляд, полностью сохраняет своё значение и в настоящее время, и вполне может быть применимо к состоянию проблемы времени в современной отечественной и зарубежной философии. Наличие целого спектра различных форм, в виде которых тема времени присутствует в современной философии, как раз и является одним из свидетельств определенной незрелости самой «проблемы времени» в качестве методологического средства познания феномена времени. Другим свидетельством является тот факт, что содержание «проблемы времени» разными авторами и в разных философских традициях может формулироваться различным образом. С одной стороны, этому имеется вполне объективная причина. По справедливому замечанию Ю.Б. Молчанова, «проблема времени представляет собой довольно сложный комплекс вопросов, которые по своей сложности и значению неравноценны и неравноправны; они составляют известную иерархию, в которой можно выделить вопросы центральные и второстепенные»²⁰. Но в этом случае возникает вполне справедливый вопрос: а знаем ли мы вообще, в чем состоит «проблема времени»? Ведь ответить на вопрос о содержании «проблемы времени», значит не только указать некоторый список актуальных для исследования тем (да и существует ли вообще такой список, на который мы бы могли сослаться в качестве отправной точки для дальнейшего исследования вопроса?!). Гораздо более значимыми являются вопросы о том, что эту иерархию в действительности должно определять; от этого в выборе стратегии исследования и понимания феномена времени зависит очень многое. Что эта иерархия собой представляет, каково её содержание и чем, какими фундаментальными принципами (а то, что такие принципы существуют, сомневаться не приходится) она объективно определяется или должна определяться? Именно эти вопросы, на мой взгляд, следует считать наиболее важными составляющими «проблемы времени»; попытаться ответить на них – значит корректно сформулировать саму «проблему времени» для современной философии, определить её содержание, степень актуальности тех или иных вопросов, возможно, сформулировать новые, а также определить релевантную методологию и приоритеты исследования.

К сожалению, приходится констатировать, что именно эти вопросы как раз и являются наименее разработанными в систематическом виде в современной литературе, посвящённой проблеме времени, её содержанию и постановке. В этом отношении указанная работа Ю.Б. Молчанова является своего рода исключением, поскольку в ней можно обнаружить не только определенную иерархию вопросов, составляющих проблему времени, но и те методологические принципы, пусть присутствующие иногда в имплицитной форме, которыми эта иерархия обусловлена. В частности, Ю.Б. Молчанов пишет, что «одним из основных и довольно трудных, но уже, пожалуй, получивших окончательное решение, является вопрос об объективности времени»²¹, который в формулировке Ю.Б. Молчанова выглядит следующим образом: «Существует ли время и временные свойства и отношения вне и независимо от человеческого сознания, от деятельности человека и человечества?»²². Вряд ли можно спорить с тем,

²⁰ Молчанов Ю.Б. Указ. соч. С. 6.

²¹ Молчанов Ю.Б. Указ. соч. С. 6.

²² Там же. С. 6–7. А вот что писал столетием раньше русский философ В.Д. Кудрявцев-Платонов, обобщая рассмотренные им мнения о пространстве и времени философов предшествующих эпох: «... несмотря на частное различие, их вообще можно подвести под два основных типа, которые мы назовем объективной и субъективной теориями этих понятий. По мнению одних, пространство и время есть нечто, имеющее объективную реальность, существующее не только в нас, но и вне нас, состоит ли эта реальность в том, что они суть объекты, свойства объектов или отношения их» (Кудрявцев-Платонов В.Д. Пространство и время // Собрание сочинений в трёх томах. Т. 1. С. 231). Если сравнить два этих определения, то становится ясно, что представление о том, что в философии понимается под объективностью времени, обладает определённым устойчивым содержанием, и именно в таком значении обычно используются термины «объективность времени», «объективное время», «объективные концепции (теории) времени» и аналогичные им, хотя и не все авторы, а может быть, именно поэтому и не все, употребляя данные термины, считают нужным уточнять, что именно они имеют в виду.

что вопрос об объективности времени является одним из важнейших в ряду тех, что составляют проблему времени. Этот вопрос действительно постоянно оказывался в центре внимания философов разных эпох и практически выполнял конституирующую функцию в отношении тех вопросов, которые составляют проблему времени. Но тем большее удивление вызывают слова автора, когда он пишет о том, что данный вопрос практически может считаться окончательно решённым, в данном случае в пользу признания времени объективным. Неужели проблема, над которой две с половиной тысячи лет бились философы, наконец решена?! Если так, то, конечно, у любого исследователя, который сталкивается с таким утверждением, сразу должен возникнуть неподдельный интерес к тем доказательствам, благодаря которым удалось поставить точку в споре вокруг этого «вечного» вопроса. Но в том-то и дело: а удалось ли?! Мы ещё обратимся к аргументам Ю.Б. Молчанова и других отечественных исследователей, которые действительно придавали большое значение тезису (именно тезису, даже своего рода постулату, а не вопросу) об объективности времени, что было во многом обусловлено тем значением, которое он приобрёл в рамках диалектико-материалистической традиции. При этом понятно, что могут быть и другие точки зрения, наличие которых исключает решение вопроса об объективности времени в принципе. Многие исследователи могут, например, не принять даже саму постановку вопроса о времени в качестве свойства объективного мира или просто как чего-то, существующего вне человеческого сознания, по той причине, что будут вообще отрицать правомерность постановки вопроса в таком виде, либо по причине того, что выразят сомнение в принципиальной не-проблематичности самой возможности знать что-то о мире за пределами сознания, либо по причине того, что будут отрицать правомерность жёсткого разделения реальности на объективную и субъективную.

Однако, на мой взгляд, главное даже не это. Не приходится сомневаться, что тезис об объективности времени в философии играл и играет важнейшую роль, а многие вопросы о времени просто не могут быть поставлены и исследованы вне контекста данного тезиса. Именно поэтому не может не вызвать удивления следующая противоречивая ситуация. Её суть в следующем. С одной стороны, обращение к работам большинства тех современных не только отечественных, но и зарубежных авторов, принадлежащих к традиции аналитической метафизики, кто согласен с тезисом о том, что философия имеет дело с познанием объективного мира, показывает, что практически никто из них не собирается подвергать сомнению также и тезис об объективности времени²³. Однако, с другой стороны, мы обнаружим, что принятие данного тезиса практически не сопровождается каким-либо особым вниманием к другому аспекту вопроса об объективности времени, к тому, чтобы попытаться доказать, что время действительно объективно, и как оно вообще может быть объективным²⁴. Получается, что современные сторонники данного тезиса практически отказываются от диалога с теми мыслителями, кто пытался обосновать иную точку зрения на природу времени или, по крайней мере, не считал, что объективность времени не нуждается в доказательствах! Более того, из истории философии хорошо известно, что способы, при помощи которых можно поставить под сомнение объективность времени, существенно отличаются друг от друга. Следовательно, должны отличаться и способы доказательства объективности времени. Но если так, то и вопрос об объективности времени как минимум требует уточнения и дифференцированности как в своей постановке, так и в способах ответа на те «вызовы», с которыми сталкивается тезис об объективности времени; и в этом отношении то справедливое замечание, которое Ю.Б. Молчанов делает по поводу постановки проблемы времени вообще, вполне может быть отнесено и

²³ Указанное положение вещей не следует путать с тем, которое касается вопроса о способах представления времени, поскольку в последнем случае речь идёт не о том, существует ли время, а о том, как его правильно представить, каковы его атрибуты.

²⁴ Определённым и практически единственным исключением на этом фоне следует считать попытки доказательства объективности времени, которые имели место в рамках диалектико-материалистической традиции.

к вопросу об объективности времени. Но ничего этого в литературе, посвящённой проблеме времени, мы не обнаружим.

Поэтому, констатируя сложившееся положение вещей и не считая его приемлемым в теоретико-методологическом отношении, я считаю возможным предложить следующий тезис. Именно вопрос об объективности времени следует рассматривать в качестве наиболее важного для тех современных исследований проблемы времени, которые имеют место в рамках тех философских традиций, что в принципе предполагают правомерность постановки вопросов об объективном мире и времени в качестве его свойства. Поставленный в качестве актуального и не имеющего определённого ответа вопроса, должным образом сформулированный и представленный в систематическом виде вопрос об объективности времени²⁵, может сыграть основополагающую роль и выступить в качестве важнейшего методологического средства для конструктивного критического анализа и оценки сложившегося положения вещей, а также разработки новых подходов к исследованию времени.

На мой взгляд, вопрос об объективности времени включает в себя три основных аспекта, которые должны стать предметом самостоятельного исследования.

Во-первых, должен быть исследован вопрос о том, какое влияние тезис об объективности времени оказывает на постановку проблемы времени, определение содержания и иерархии составляющих её вопросов, используемых для их решения методологических принципов и средств, а также имеющихся способов ответов на эти вопросы в тех современных традициях исследования времени, где этот тезис имеет место. Представляется, что результаты, полученные в ходе исследования данного аспекта вопроса об объективности времени будут способствовать созданию объективной иерархии актуальных вопросов о времени²⁶, что поможет определиться со стратегией и методами исследования времени.

Во-вторых, необходимо всесторонне сформулировать саму проблему объективности времени и попытаться понять, с какими действительными трудностями сталкивается решение вопросов: а) об онтологическом статусе времени вообще, например, о том, объективно время в принципе или нет (вопроса, который в современной реалистической философии²⁷ оказался совершенно незаслуженно обойдён вниманием исследователей), и б) о представлении времени в качестве объективного свойства внешнего мира, в частности. Экспликация содержания вопроса об объективности времени и его всесторонний анализ поможет решить ряд проблем, связанных с поиском адекватных методов исследования времени.

²⁵ А сам вопрос об объективности времени, в силу того значения, которое он приобретает, следует рассматривать уже не просто в качестве «вопроса», а в качестве одной из фундаментальных проблем философии – *проблемы объективности времени*.

²⁶ «Объективной» в смысле свободной от различного рода недоговорённостей и завуалированных попыток представить некоторые «неудобные», а по существу главные для философии и имеющие смысложизненное измерение, вопросы как бы уже решёнными и потому не имеющими теоретического значения, несмотря на то, что имеет место ситуация прямо противоположная, не говоря уже о том, что это вопросы такого рода, на которые вообще вряд ли можно дать однозначный ответ. При этом, конечно же, речь не идёт о том, что «объективность» иерархии в данном случае означает, что её следует считать единственно возможной иерархией вопросов вообще. Очевидно, что это не так, поскольку исследователи времени могут руководствоваться самыми различными предпосылками и принадлежать к различным традициям, в которых сама проблема времени может быть поставлена иначе. Речь в данном случае идёт о том, что содержание вопроса об объективности времени, коль скоро он в принципе может быть сформулирован в рамках определённых традиций рефлексии проблемы времени, имеет вполне объективные закономерности, которые можно выявить и сделать предметом исследования.

²⁷ В современной философии, как отмечают многие исследователи, термин «реализм» приобрёл настолько широкое значение, что его использование как бы по умолчанию само по себе способно ввести в заблуждение. Чтобы избежать любой двусмысленности, сразу оговорюсь, что в данном случае, а также и там, где я буду в дальнейшем использовать термин «реализм» для обозначения определённой фундаментальной философской традиции, я буду его использовать в том «классическом» его значении, которое даёт в своей книге «Метафизика» М. Лукс. По мнению автора, «реализм» подразумевает два основных тезиса – уверенность в существовании объективного мира и его познаваемости, понимаемой как соответствие наших знаний о мире самому миру (Loux. M.J. *Metaphysics: a contemporary introduction*. Routledge, N.Y., L., 2009. P. 259).

В-третьих, необходимо ответить на следующие вопросы: а) что значит для времени быть объективным; б) при каких условиях и каким образом время может быть объективным; в) какие методологические принципы и средства способны помочь нам представить время в качестве объективного. Тем самым мы сможем продвинуться вперед на пути к пониманию природы времени и его места в объективной реальности²⁸. Данный аспект проблемы объективности времени я предлагаю назвать *проблемой объективизации времени*. Её исследование в перспективе предполагает решение задачи-максимума – попытки создания такой концепции объективного времени, которая была бы свободна от всех возможных недостатков, присущих имеющимся концепциям и обусловленных недостаточным теоретическим уровнем рефлексии над проблемой объективности времени.

И хотя последняя задача крайне сложная, необходимо понимать, что это не означает того, что её можно игнорировать (например, на том основании, что любая концепция объективного времени, коль скоро она претендует говорить об объективной реальности, имеет неустранимо спекулятивный характер), поскольку в конечном счёте доказать обратное, что само время или же его определенные характеристики имеют субъективную или субъективно-объективную природу, в равной степени невозможно до тех пор, пока не будет вполне понятно, какие именно свойства времени объективны или почему мы заведомо не можем знать о них.

²⁸ Иную точку зрения, согласно которой вопрос о том, «почему существует время» не представляет реального интереса, и его «едва ли можно причислить к разряду по-настоящему реальных проблем» высказывает В.В. Васильев (Васильев В.В. Сознание и вещи: Очерк феноменалистической онтологии. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 183). Его аргументация заключается в том, что «задавать вопрос «почему?» имеет смысл лишь тогда, когда речь идет о каких-то производных, а не о фундаментальных явлениях» (Там же). На мой взгляд, с такой точкой зрения нельзя согласиться. Во-первых, как было отмечено, для философии существование объективного времени (а не просто времени как феномена) не является чем-то само собой разумеющимся. Во-вторых, время – явление совершенно особого рода; это проявляется в том, что такие модусы времени как прошлое и будущее в любом случае не явлены нам непосредственно, что не мешает исследователям основной акцент делать именно на центральном для онтологии времени вопросе о том, «существуют ли прошлое и будущее одновременно с настоящим?». В-третьих, вопрос о том, является ли время фундаментальным явлением, а не производным, в онтологии опять-таки открыт и более того, является одним из центральных для онтологии времени.

1.2. Влияние тезиса об объективности времени на постановку и решение проблемы времени в отечественной философии

Конечно, отнюдь не все исследования темпоральной проблематики, которые имеют место в современной отечественной философии, предполагают обращение к тезису об объективности времени. Однако, нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что роль данного тезиса здесь чрезвычайно велика; она гораздо больше, чем это можно было бы предположить, учитывая его весьма проблемный характер. Особенно ярко это проявляется в тех случаях, когда речь идет о «проблеме времени» в онтологии и философии науки. Чем это обусловлено? Не приходится сомневаться, что здесь мы имеем дело с тем влиянием, которое на постановку и решение проблемы времени явно или имплицитно оказала диалектико-материалистическая традиция. Последняя в определенный исторический период, как это хорошо известно, практически безальтернативно предопределила в отечественной философии допустимый способ (или, точнее, границы) ответа на вопрос о том, как следует понимать время и, тем самым, во многом определила саму репрезентацию проблемы времени и иерархию составляющих её вопросов. Влияние диалектико-материалистической традиции здесь наиболее сильно проявилось в трёх случаях: а) в решении вопроса об объективности времени; б) в решении вопроса о природе времени; с) в подходах к решению вопроса о соотношении научного и философского понимания времени, или, шире, о роли данных естественных наук для понимания времени. При этом надо заметить, что все три вопроса вполне объективны, более того, они и сегодня являются одними из ключевых для исследований времени. Так же необходимо особо обратить внимание, что наличие в рамках диалектико-материалистической традиции вполне определённого способа решения вопроса о природе времени, которое рассматривается здесь как форма бытия материи, означает, что для диалектико-материалистической традиции в подходах к пониманию времени характерны такие особенности как выраженный реализм и наличие метафизической проблематики. Поэтому четыре момента здесь, на мой взгляд, представляют безусловный интерес: а) как решались эти вопросы? б) чем предложенные способы решения были обусловлены в методологическом плане? в) какова судьба этих решений в последующий период развития отечественной философии после того как диалектико-материалистическая традиция утратила свое официально-определяющее влияние на решение данных вопросов? и г) каково их современное состояние?

1.2.1. Вопрос об объективности времени и диалектико-материалистическая традиция

Что касается вопроса об объективности времени, то его отечественные исследователи проблемы времени, например, Я.Ф. Аскин и Ю.Б. Молчанов, совершенно справедливо рассматривали в качестве одного из основных, и, по существу, определяющего всю иерархию вопросов в рамках проблемы времени, но делали это по причине несколько иной, чем большинство других философов, веками обращавшихся к проблеме времени. Для философии вопросы о том, реально ли время, как оно соотносится с нашим восприятием мира, какова сущность времени, и по сию пору относятся к числу нерешенных и наиболее фундаментальных. Однако в рамках диалектико-материалистической традиции для данного вопроса имелось вполне определенное безальтернативное решение, которое заключалось в признании объективной реальности времени. Кроме того, право адекватно выражать тезис об объективности времени признавалось практически только за диалектико-материалистическим подходом к

данному вопросу. Поэтому отечественные авторы, если и обращались к вопросу об объективности времени, были вынуждены это делать по той причине, что в иных современных диалектико-материалистической философских традициях двадцатого столетия вопрос об объективности времени, как правило, решался диаметрально противоположным образом, а отнюдь не потому, что данный вопрос ещё не имел однозначного ответа. В итоге для указанных авторов, работавших в диалектико-материалистической традиции, акценты оказались расставлены весьма нетрадиционно. Вопрос об объективности времени в качестве проблемы ими практически не рассматривался в качестве объективно-дискуссионного. Наиболее последовательной оказалась в этом вопросе точка зрения Ю.Б. Молчанова, в работе которого ещё в начале 90-х годов про вопрос об объективности времени утверждалось, что «состояние развития как естественных наук, так и философии позволяет дать на него вполне определенный ответ»²⁹. Этим ответом, конечно, было то, что время объективно. Вместе с тем достойно внимания, что при этом всё-таки были выдвинуты определённые аргументы в пользу того, почему время объективно. Последнее обстоятельство важно в том отношении, что оно не только позволяет определённым образом проблематизировать вопрос об объективности времени, но и оказало весьма существенное влияние на решение вопроса о роли данной науки в исследованиях времени.

В частности, содержание процитированной фразы, в которой решение вопроса об объективности времени поставлено в зависимость от состояния развития естественных наук и философии буквально что называется «через запятую», как и название другой работы Ю.Б. Молчанова «Четыре концепции времени в философии и физике» позволяет понять, что было положено в основу положительного решения вопроса об объективности времени в диалектико-материалистической традиции в методологическом отношении. Суть подхода состоит в том, что решение большинства вопросов (как, например, вопроса об объективности времени), и даже сам их круг, ставится в зависимость от достижений науки, прежде всего, физики. Приведу лишь один, но, на мой взгляд, очень яркий пример, примечательный прежде всего тем, что в нём данный подход получил свое максимальное выражение³⁰. Кроме того, данный пример наглядно демонстрируют ещё одну характерную особенность методологии подхода к проблеме времени в рассматриваемый период, связанную с решением вопроса о соотношении данных и методов естественных наук, с одной стороны, и иных, чисто философских, например, логических, средств в понимании времени. Так, характеризуя современное ему состояние полемики между сторонниками статической и динамической концепций времени, Ю.Б. Молчанов в начале указывает, что «спор идет здесь не о том, существует ли объективное время или нет, а о том, как его описать в логике понятий»³¹, о чём, на его взгляд, свидетельствует тот факт, что «основные дискуссии в современной зарубежной философской литературе ведутся в основном вокруг логических и лингвистических вопросов, связанных с этими концепциями»³². Заме-

²⁹ Молчанов Ю.Б. Указ. соч. С. 7.

³⁰ Ю.Б. Молчанов здесь, конечно, не одинок. Например, М.Д. Ахундов после того, как рассматривает в своей работе истоки и генезис различных концепций времени в философии, указывает, что «истинную ценность этих концепций мы сумеем определить в процессе анализа их статуса в структуре физической теории» (Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция перспективы. М.: Мысль, 1982. С. 168). А вот точка зрения, которую высказывает В.И. Жог: «Открытие новых природных явлений, постоянный анализ современного научного знания является нашим основным источником новых знаний о свойствах и сущности времени...» (Жог В.И. Пространство, время и симметрия в физических теориях. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1985. С. 38). В целом, анализируя данные примеры и позицию Ю.Б. Молчанова, можно констатировать, что на решение вопроса о роли науки в познании времени и на решение вопроса о его объективности, практически не оказал влияние происходивший в 60–70 годы процесс возвращения метафизики в философию науки, несмотря на то, что данное явление вполне нашло своё отражение в работах отечественных исследователей (См., например: Швырев В.С. Проблема отношения науки и метафизики в современной англо-американской философии науки // Проблемы и противоречия буржуазной философии 60—70-х годов XX века. М.: Наука, 1983. С. 29–59; Юлина Н.С. Введение. О буржуазной философии 60—70-х годов // Там же. С. 5—29).

³¹ Молчанов Ю.Б. Четыре концепции времени в философии и физике. М.: Наука, 1977. С. 164.

³² Там же.

чая, что «такой анализ понятия времени имеет важное значение»³³, автор, тем не менее, затем делает следующий принципиальный вывод. «В данном случае» – пишет он – «едва ли можно ограничиться выяснением преимуществ статической или динамической концепции времени в смысле их логической непротиворечивости и полноты. Коль скоро обе эти концепции претендуют на выражение объективного содержания понятия времени, то наиболее существенным для адекватной их оценки является, видимо, возможность (или невозможность) эмпирического обоснования соответствующих положений»³⁴. По существу, в данном случае мы имеем дело с крайним выражением позиции верификационизма в философии науки и попыткой распространить данную методологию на решение вопросов метафизического характера³⁵. Однако понятно, что с точки зрения современного состояния философии науки, позиция верификационизма не может быть признана достаточно обоснованной, и это практически оставляет вопрос о роли данных науки для понимания времени, открытым.

Приведенные выше рассуждения Ю.Б. Молчанова, на мой взгляд, представляют интерес ещё в одном отношении. Автор делает выраженный акцент на том, что сама проблема существования объективного времени в качестве дискуссионной не рассматривается в том числе и зарубежными исследователями. С последним утверждением, наверное, в целом можно согласиться, хотя, на мой взгляд, если говорить о дискуссиях между сторонниками А- и В-теорий в зарубежной философии, а именно в их рамках оформляется и дискуссия, связанная со статической и динамической концепциями времени, и о месте проблемы объективности времени в этих дискуссиях, то, скорее, акцент следует сделать на том, что перед нами ситуация довольно противоречивая, связанная более с отсутствием должного уровня рецепции самой проблемы объективности времени, чем с обладанием приемлемым решением данной проблемы, о чём я ещё буду говорить подробно. Вместе с тем мне не очень понятно, на каком методологическом основании базируется утверждение Ю.Б. Молчанова о том, что логический и лингвистический анализ понятия времени всё-таки «имеет важное значение». С точки зрения аналитической метафизики в её, так сказать, классическом варианте, если рассматривать её отдельно от направлений философии науки, возникших в её рамках, например, научного реализма, анализ языка – это самостоятельный путь к познанию реального мира, и он, строго говоря, не нуждается в каких-либо дополнительных эпистемологических предпосылках, например, *минимальном эмпирицизме*, как наука; если же мы, наоборот, помещаем вопрос в ту плоскость, что анализа языка для познания реальности недостаточно, то есть сталкиваемся со вполне статусными вызовами антиреализма различного рода, то тогда непонятно, какое может быть вообще «важное значение» у традиции логического и лингвистического анализа понятия времени, и как возможно его использовать для положительного решения вопроса об объективности времени, которое за ним признает Ю.Б. Молчанов?!

Более сложную и глубокую аргументацию в пользу объективности времени, аргументацию, которая бы позволила учесть как трудности верификационистской методологии в познании времени, так и многоаспектный характер самого понятия времени, предложила в своей работе В.П. Казарян³⁶. Так, рассматривая вопрос о роли науки в понимании времени, автор приходит к выводу о том, что «наука расширила наши знания о времени, но... ее позиция в

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Следует заметить, что в своей работе «Проблема времени в современной науке», где автор вновь обращается к дискуссиям между сторонниками статической и динамической концепции времени, и где часть текста практически дословно повторяет текст 1977 года, слова «возможность (или невозможность) эмпирического обоснования соответствующих положений» были заменены словами «выявление того, какие преимущества имеет каждая из рассматриваемых концепций с точки зрения их физического смысла, выражения объективной диалектики временных отношений...» (Молчанов Ю.Б. Проблема времени в современной науке. С. 116). Однако, на мой взгляд, общая суть сказанного практически не изменилась в том отношении, что для утверждений логического порядка выдвигается требование наличия у них физического смысла.

³⁶ Казарян В.П. Понятие времени в структуре научного знания. М.: МГУ, 1980. 176 с.

познании времени не самодовлеющая»³⁷. Обусловлено это тем, что «научное познание представляет собой сложный многокомпонентный процесс»³⁸, одним из элементов которого, наряду с эмпирическим и теоретическим уровнями исследования, являются его философские основания, представляющих собой «совокупность мировоззренческих и гносеологических принципов»³⁹. Безусловно, эта точка зрения гораздо лучше отразила тенденции, существовавшие в современной на тот момент философии науки, чем принцип верификационизма. Однако в свете данного вывода вопрос об объективности времени оказывается весьма двусмысленным. С одной стороны, автор по сути излагает стандартную для того периода точку зрения, когда пишет о том, что «с конца XIX века многие ученые в своем мировоззрении начинают ориентироваться на идею объективности времени»⁴⁰, и что «эта позиция получила сильную поддержку в диалектическом материализме»⁴¹, а также отмечает, что «ориентация ученых, особенно в области естествознания, на признание объективности времени в значительной степени связана с бурным развитием науки»⁴². Одновременно, правда, автор указывает на недостатки взглядов ряда зарубежных ученых – сторонников идеи объективности времени, характеризуя их позицию как стихийно-материалистическую «со всеми неизбежными ее недостатками и непоследовательностями». Далее приводятся мнения как тех зарубежных исследователей, которые считают, что каких-либо специфических философских проблем времени не существует, есть только научные, так и тех, кто «признавая успехи естествознания, высказывают сомнение в том, что ему подвластна тайна времени, и не надеются на существенную помощь естественных наук в решении вопроса»⁴³. Поэтому можно предположить, что в данном случае введение в число элементов научного познания мировоззренческих принципов явилось своеобразным методологическим контраргументом против сциентистской позиции в философии науки, позволяющим обосновать объективность времени, поскольку, как справедливо замечает В.П. Казарян, «в рамках сциентистской философии, отрицающей осмысленность онтологических утверждений, нет места учению о бытии»⁴⁴. Одним словом, как я это понимаю, суть предлагаемой автором аргументации в том, что обоснование самостоятельной роли мировоззренческих принципов в научном знании и, следовательно, в понимании времени в качестве объекта научного познания является единственным возможным средством «спасти» как тезис об объективности времени, так и тезис о том, что научные знания о времени могут выступать в качестве источника наших знаний о бытии (объективной реальности). Но в этом случае перед нами встают две проблемы. Во-первых, возникает вопрос о том, какие выбрать гносеологические и, самое главное, мировоззренческие принципы. Возможно, что выбор этих принципов, в качестве мировоззренческого неизбежно ценностно нагруженный, сам во многом будет обусловлен нашим отношением к решению вопроса о статусе времени. Понятно, также, что кто-то предпочтёт диалектико-материалистическую традицию, а кто-то – объективно-идеалистическую, например. В любом случае проблема смещается в плоскость метафизическую, что требует решения вопроса о релевантных методологических инструментах исследования и, в конечном счете, выбора между философскими традициями. Во-вторых, признание самостоятельного значения философских оснований и мировоззренческих принципов в научном познании, очевидно, не только оставляет открытым вопрос об их соотношении с научным пониманием времени, но и делает его крайне актуальным.

³⁷ Там же. С. 27.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 17.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 19.

⁴³ Там же. С. 18.

⁴⁴ Казарян В.П. Понятие времени в структуре научного знания. М.: МГУ, 1980. С. 12.

Ещё одна особенность в постановке проблемы времени, характерная для периода господства диалектико-материалистической традиции, состояла в том, что рефлексия категории времени в рамках философии диалектического материализма породила целый ряд специфических тем для обсуждения, связанных с онтологией времени, которые приобретали актуальность и сохраняли свое значение только в этих узких рамках, поскольку основывались либо на онтологических постулатах, либо на методологических принципах диалектического материализма, и, следовательно, практически не имели аналогов в зарубежной философии. Среди таких тем можно назвать три основные. Во-первых, это дискуссии вокруг релевантных концептуальных средств для представления времени и его основных свойств и, прежде всего, по вопросу о том, какая из двух концепций времени – субстанциальная или реляционная – в большей степени отвечает материалистическому пониманию сущности времени. Во-вторых, дискуссии о возможности и необходимости использования представлений о различных формах времени в связи с представлением о формах движения материи⁴⁵. В-третьих, попытки создать такие интегральные модели времени, которые бы основывались на принципах материалистической диалектики в качестве методологических оснований исследования⁴⁶. Среди них одна из самых заметных разработана Т.П. Лолаевым и связана с представлением об объективно-реальном времени. При этом нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что постановка и обсуждение подобных вопросов становится возможной только в том случае, если принять, что время действительно является объективным. Таким образом, в данном случае перед нами один из ярких примеров того, как тезис об объективности времени оказал влияние как на характер и содержание онтологических вопросов о времени, так и на саму иерархию вопросов, составляющих проблему времени; при этом важно отметить, что использование вполне определённой методологии здесь практически исключило из фокуса обсуждения сам вопрос об объективности времени, коль скоро данный тезис оказался в числе основных постулатов данной методологии.

Из этих трех тем наиболее заметной оказалась связанная с выбором между субстанциальной и реляционной концепциями времени. Тому, на первый взгляд, имеются вполне объективные предпосылки. Так, по мнению Ю.Б. Молчанова, субстанциальная и реляционная концепции времени являются в современной физике и философии теми двумя основными концепциями, которые сформировались в результате обсуждения своими корнями уходящего ещё в донаучные времена вопроса о сущности времени, то есть о статусе времени в структуре объективного мира⁴⁷, а, точнее, «о соотношении времени и материальных систем»⁴⁸. Данное утверждение, однако, на мой взгляд, не совсем корректно. Конечно, не приходится сомневаться в фундаментальном характере вопроса о сущности времени в той формулировке, которую предлагает Ю.Б. Молчанов: «представляет ли время некую первичную, самое себя определяющую сущность, или же оно есть нечто вторичное, производное, зависящее от чего-то другого, более фундаментального?»⁴⁹. Сложнее обстоит дело с вопросом о статусе времени в структуре объективного мира. Во-первых, в философии ведь хорошо известны и другие подходы к пониманию онтологического статуса времени, например, связывающие данный феномен с природой познающего субъекта. Во-вторых, вопрос о сущности времени в его пространной фор-

⁴⁵ См., например: *Аронов Р.А., Терентьев В.В.* Существуют ли нефизические формы времени? // Вопросы философии. 1988. № 1. С. 71–84; *Капке В.А.* Формы времени. Томск, 1984; *Шижкарук В.И.* К вопросу о философских взглядах В.И. Вернадского (По поводу статьи Р.А. Аронова и В.В. Терентьева «Существуют ли нефизические формы пространства и времени?») // Вопросы философии. 1988. № 7. С. 128–133; *Финогентов В.Н.* Время, бытие, человек. Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1992.

⁴⁶ *Лолаев Т.П.* Функциональная концепция времени: Моногр. / Под ред. докт. филос. наук, проф. Казарян В.П.; Сев. – Осет. гос. ун-т. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1994; *Финогентов В.Н.* Время, бытие, человек.

⁴⁷ *Молчанов Ю.Б.* Проблема времени в современной науке. С. 7.

⁴⁸ Там же. С. 37.

⁴⁹ Там же. С. 7.

мулировке, очевидно, не тождественен аналогичному вопросу в его краткой формулировке. Поэтому в интерпретации Ю.Б. Молчанова вопроса о сущности времени мы, скорее всего, опять имеем дело с влиянием диаматовского тезиса об объективном времени, что приводит к весьма искусственной трансформации традиционного вопроса о сущности времени, не тождественного вопросу о статусе объективного времени в объективной реальности, о том, первично оно или производно. Однако наиболее спорными мне представляется утверждения о том, что эти две концепции следует считать в современной философии основными, и о том, что субстанциальная и реляционная концепции формируются в контексте обсуждения вопроса о сущности времени; здесь скорее желание включить данную полемику в общемировой контекст, тем более, что Ю.Б. Молчанов указывает на тот факт, что сами эти термины в отечественной литературе были введены только в середине 60-х годов⁵⁰. На самом деле анализ зарубежной, по крайней мере, англоязычной, литературы демонстрирует иную ситуацию, которую можно охарактеризовать следующим образом. Начнём с того, что аналоги субстанциального и реляционного подходов к пониманию времени там действительно можно обнаружить в виде терминов *substantial theories* и *relational theories*, однако их употребление не является ни полностью устоявшимся, ни общепринятым. Некоторые авторы действительно отдают им предпочтение⁵¹. Однако есть и такие, которые предпочитают в данном случае использовать термины *Reductionism* и *Platonism*⁵². Но самое главное отличие состоит в том, что данные термины принято использовать не для обозначения взглядов на статус времени в структуре объективного мира, а, скорее, в более мягком варианте, обычно для обозначения разных позиций в отношении вопроса о том, как соотносятся между собой время и изменения, т. е. может ли время существовать независимо от событий, которые в нём происходят, причем данный вопрос вообще может не рассматриваться в виде вопроса о соотношении времени и материи, а свою актуальность данный вопрос приобрел в связи с работой С. Шумейкера, в которой последний предложил пример, призванный продемонстрировать ситуацию, в которой существования времени без изменений, так сказать пустого времени, оказывается вполне возможным⁵³. Одним словом, мы просто не найдём постановки вопроса в том виде, как её описывает Ю.Б. Молчанов. Пожалуй, единственным кандидатом на роль субстанциального времени является абсолютное время Ньютона, но оно исследователями так и называется, рассматривается именно как специфически ньютоновская концепция времени, и никакого дальнейшего обобщения не происходит.

Да и сами методологические принципы, положенные в основу выбора, изначально оказались довольно «ущербными», в силу чего и получившиеся конструкции – искусственными. С одной стороны, они были лимитированы постулатом о том, что время следует рассматривать исключительно как форму бытия материи, причем такую, которую невозможно «оторвать» от самой материи; логическая дедукция свойств времени была возможна только таким образом. С другой стороны, те свойства времени, которые подлежали обсуждению, напрямую зависели от данных естествознания, а не от логического анализа самого понятия времени. В итоге вполне объективный и имеющий общепhilosophическое значение вопрос о сущности времени, а именно с ним связаны дискуссии вокруг субстанциальной и реляционной концепций времени, оказался «урезан» до вопроса о выборе между этими двумя концепциями, хотя, очевидно, что на самом деле он далеко выходит за эти рамки.

Тем не менее, вопрос о соотношении субстанциальной и реляционной концепций времени и, шире, о концепциях времени, которые позволят адекватно представить его свойства, оказался важной особенностью отечественной рефлексии проблемы времени не только

⁵⁰ Молчанов Ю.Б. Проблема времени в современной науке. С. 37–38.

⁵¹ Time / IEP. – Режим доступа: <http://iep.utm.edu/time>

⁵² Time / SEP. – Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/entries/time>

⁵³ Shoemaker S. Time Without Change // Journal of Philosophy, 66 (1969). P. 363–381.

в период доминирования здесь диалектико-материалистической традиции, но сохранил значение и в последующие годы вплоть до настоящего времени. Это – один из тех аспектов проблемы времени, где влияние диалектико-материалистической традиции проявляется наиболее заметно, либо непосредственно, либо в виде имплицитного допущения о том, что научные знания о времени – это знания о времени объективной реальности, а между временем как понятием науки и временем как понятием философским в принципе возможна корреляция.

Решение вопроса об объективности времени, видимо, имплицитно повлияло и на способ постановки вопроса, который Ю.Б. Молчанов склонен считать по его сложности и значению самым главным из тех, что составляют проблему времени: «какими объективно реальными параметрами или характеристиками отличается бытие событий прошлого от бытия событий настоящего (а возможно, и будущего)... или же какими опять же объективно-реальными свойствами определяется отношение «до – после» или «раньше – позже» и принадлежность тех или иных событий к сфере, или области «раньше», или к сфере, или области «позже»»⁵⁴. Указание Ю.Б. Молчанова абсолютно справедливо: данная проблема остается одной из актуальных и для современной зарубежной англоязычной философии. И всё-таки хочу заметить, что сам этот вопрос оказывается возможным только в том случае, если предварительно доказано, что время и временные отношения по типу обозначенных выше, являются объективными (альтернативный взгляд Августина Блаженного на природу временных отношений, который часто именуют психологической концепцией времени, хорошо известен), а его решение даже в случае признания времени объективным будет зависеть от принимаемой онтологии объективной реальности. Достаточно проблематичной следует признать, например, саму возможность постановки вопроса об «объективно-реальных свойствах времени» в рамках реляционного подхода, поскольку ниоткуда не следует, что время и его модусы (прошлое, настоящее и будущее) в данном случае не оказываются модусами в рамках логической конструкции времени, при помощи которой мы категориально фиксируем некоторого рода отношения, существующие в действительности, а в объективной действительности этим модусам не соответствуют никакие референты.

Вместе с тем в постановке проблемы времени у отечественных исследователей в данный период мы обнаруживаем и такие темы, которые имели действительное общеполитическое значение, а не были полностью или отчасти обусловлены «внутренними» для диалектико-материалистической традиции факторами. В числе этих тем можно указать такие как: вопрос о размерности времени, вопрос о том, непрерывно время или дискретно, вопрос о конечности или бесконечности времени, «значение которых», – по мнению Ю.Б. Молчанова – «для решения проблемы времени менее фундаментально, поскольку правильные ответы на них не снимают с повестки дня проблему времени в целом»⁵⁵. Кроме того, Ю.Б. Молчанов обращает внимание на то обстоятельство, что для проблемы времени в целом характерно то, что он называет «сложностями», отмечая среди них сложность по концептуальной структуре и междисциплинарным отношениям⁵⁶. Особо следует обратить внимание и на то, что среди рассматриваемых в контексте обсуждения проблемы времени вопросов оказался и вопрос о «вечности», что лишний раз демонстрирует значение данной категории для рефлексии темпоральной проблематики⁵⁷. Однако вряд ли можно сомневаться, что способы решения вопроса об объективности времени также определяют и способы ответа на эти вопросы. Не говоря уже о том, что если предварительно «зарезервировать» для материи такую форму бытия как время, трудно представить, что

⁵⁴ Молчанов Ю.Б. Проблема времени в современной науке. С. 8.

⁵⁵ Молчанов Ю.Б. Проблема времени в современной науке. С. 10.

⁵⁶ Там же. С. 11.

⁵⁷ Аскин А.Ф. Проблема времени. Ее философское истолкование. М.: Мысль, 1966. С. 180–192; Молчанов Ю.Б. Проблема времени в современной науке. С. 107–110.

за категорией вечности в дальнейшем можно признать какое-либо значение, кроме как быть бесконечным временем.

В качестве ещё одного аспекта проблемы времени, хотя он и не позиционировался в качестве такового, в данный период следует рассматривать историко-философский аспект, связанный с рассмотрением концептуальной эволюции⁵⁸ философии времени. В числе подходов, которые оформились в этом русле, которое, видимо, идентично тому, что принято называть в англоязычной философии «историей идей» в противовес «истории философии», следует указать связанный с поиском исторических «предшественников» различных современных концепций времени. Одной из самых «долгоживущих» здесь является традиция рассматривать философские взгляды Парменида и Платона в качестве ранних разновидностей статической концепции времени. Насколько следует такую точку зрения признать обоснованной, вопрос отдельный, и в дальнейшем мы уделим ему специальное внимание. Также важно отметить и другой момент, который имеет непосредственное отношение и к той ситуации, которая является одной из характерных для современных отечественных исследований в области темпоральной проблематики. Такого рода ретроспективный взгляд поднимает закономерный вопрос о том, насколько релевантны те или иные историко-философские реконструкции⁵⁹, которые их авторы используют для того, чтобы придать «вес» различным концепциям времени, создание которых вообще следует признать своего рода отличительной чертой отечественных исследований времени, и где граница между самими историко-философскими реконструкциями и реконструкциями концептуальными (историей идей)⁶⁰. Последнее, наверное, вполне допустимо, но это, я думаю, требует создания соответствующей методологии; в противном случае, где понятный критерий для того, чтобы сравнивать между собой различные современные концепции времени, создатели которых по какой-либо причине желают заручиться авторитетом одних своих предшественников и проигнорировать точку зрения других?!

1.2.2. Новые тенденции в подходах к постановке и решению проблемы времени

В начале 90-х годов XX столетия во взглядах на проблему времени происходят определённые изменения. Однако, на мой взгляд, однозначно утверждать, что это было связано с утратой диалектико-материалистической традиции своей монополии в философии, как можно было бы того ожидать, учитывая то обстоятельство, что ядро темпоральной проблематики в рамках данной традиции было ядром по природе метафизическим (время понималось как способ бытия материи), вряд ли будет правильно; скорее, о чём речь пойдет ниже, рефлексии над онтологическими (метафизическими) основаниями подходов к пониманию времени до сих пор не произошло в полной мере. Упомянутые изменения коснулись прежде всего под-

⁵⁸ Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. С. 13.

⁵⁹ Ведь так или иначе, но при этом невозможно не считаться с трудностью, на которую указывает, например, Ю.А. Шичалин: «покамест определенная культура не знает того или иного понятия, не фиксирует это понятие с помощью определенного термина, пока она тем самым не осознает, не мыслит его как известную ей духовную реальность, оно в известном смысле и не существует» (Шичалин Ю.А. История античного платонизма. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2000. С. 36).

⁶⁰ Здесь стоит обратить внимание, что с аналогичной трудностью сталкиваются и зарубежные исследователи. Так, например, Л.А. Боброва, отмечая возросший интерес к философским идеям мыслителей иных эпох в современной аналитической философии, указывает, что в ряде случаев мы имеем дело скорее с использованием метода концептуальной реконструкции, который «как бы исключает историю из историко-философских тем» (Боброва Л.А. Поиск путей к истине: опыт аналитической философии. Научно-аналитический обзор. М., 1995. С. 28), чем с собственно с историко-философскими исследованиями. Не отрицая того, что «Метод концептуальной реконструкции в определённых случаях может быть плодотворен» (Там же), поскольку «способствует более точному пониманию структуры, исходных предпосылок и целей философской системы... призван выявить недостатки и устранить их, сохранив при этом всё рациональное» (Там же), автор отмечает, что «...именно здесь и заключается слабость данного метода. Законно встают вопросы, с каких позиций происходит критика и что в таком случае признается рациональным» (Там же).

ходов в области методологии исследования времени, что нашло своё выражение и во взглядах на вопрос о содержании проблемы времени. Одно из изменений было связано с решением вопроса о соотношении философских и научных знаний о времени. Ряд принципиальных идей здесь был высказан А.М. Анисовым. Во-первых, автор считает, что на вопрос о том, «являются ли теории физического пространства-времени естественнонаучной основой философской концепции времени»⁶¹ следует дать отрицательный ответ⁶². «В анализе категории времени важны результаты всего корпуса наук, и не только наук. Обыденные представления, интуицию, литературу и искусство также ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов. Время не является монополией одной специальной науки. Общенаучное и общекультурное значение категории времени дает основание утверждать это, тем более, что различные науки, – точнее, группы наук – обнаруживают явную несогласованность при описании свойств времени»⁶³. Во-вторых, резко усиливается акцент на том, что «время испокон веков считалось в первую очередь философской проблемой»⁶⁴. Более того, рассматривая в качестве примера понимания проблемы темпоральности то, которое было предложено Аристотелем в его знаменитом парадоксе о частях времени⁶⁵, А.М. Анисов указывает, что «проблема времени явно обнаруживает инвариантное содержание, мало зависящее от привходящих исторических обстоятельств»⁶⁶. В-третьих, А.М. Анисов предлагает различать *специальные* и *концептуальные* теории времени. К первой группе принадлежат те, которые касаются темпоральных характеристик объектов изучения. Ко второй те, предметом изучения которых являются фундаментальные атрибуты времени⁶⁷. В итоге А.М. Анисов делает следующий принципиальный вывод, с которым я полностью готов согласиться. «Основную задачу философии времени в сложившихся обстоятельствах мы видим в том», – пишет он – «чтобы восстановить концептуальный уровень рассмотрения проблем темпоральности, вернуться к полемике философских концепций времени, преодолев бесперспективный путь дробления временной проблематики, ведущий к размыванию предметной определенности философских исследований категории времени»⁶⁸.

Другое изменение коснулось расширения категориального содержания темпоральной проблематики в качестве предмета философии. Так, В.Н. Финогентов в своей работе обращал внимание на тот факт, что имеет место «“крен” философии ко времени, отвлечение ее от анализа других важнейших темпоральных характеристик бытия – вечности и мгновенности»⁶⁹, чему отчасти причиной стало развитие естествознания. Результатом, по мнению автора, стало то, что «последние, а вместе с ними и некоторые важнейшие мировоззренческие блоки темпоральной проблематики в целом, отошли в «зону влияния» религии и искусства»⁷⁰. «Не следует, конечно, отнимать у религии и искусства эту проблематику (взаимоотношения временного и вечного-мгновенного в бытии человека и в бытии вообще), – отмечает автор, – но в тоже время считает, что «философия может и должна иметь свой взгляд на эту проблематику»⁷¹. Таким образом, анализ работ А.М. Анисова и В.Н. Финогентова позволяет заметить три основных момента. Во-первых, указывается, что проблему времени можно и даже необходимо рассмат-

⁶¹ Анисов А.М. Время и компьютер. Негеометрический образ времени. М.: Наука, 1991. С. 14.

⁶² Там же.

⁶³ Анисов А.М. Время и компьютер. Негеометрический образ времени. М.: Наука, 1991. С. 14.

⁶⁴ Там же. С. 13.

⁶⁵ Там же. С. 12.

⁶⁶ Анисов А.М. Время и компьютер. Негеометрический образ времени. М.: Наука, 1991. С. 13.

⁶⁷ Там же. С. 34.

⁶⁸ Там же. С. 35.

⁶⁹ Финогентов В.Н. Темпоральность бытия. (философский анализ): Автореферат дис... докт. филос. наук: 09.00.01. Екатеринбург, 1992. С. 6.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

ривать как проблему собственно философскую. Во-вторых, отказ от рассмотрения проблемы времени через призму научного знания позволяет непосредственно обратиться к её собственно философскому содержанию, которое оказывается иным, чем в том случае, если оно поставлено в непосредственную зависимость от научного понимания времени. В-третьих, обращение к проблеме времени (темпоральности) в качестве самостоятельной философской проблемы подразумевает также и расширение её содержания в тематическом и категориальном отношении, точнее, приведение его к традиционному для философии.

1.2.3. Проблема объективности времени в современной отечественной философии

Как эти новые тезисы повлияли на содержание проблемы времени и подходы к её исследованию? И что изменилось в понимании времени в качестве важнейшей метафизической (онтологической) категории? Здесь, на мой взгляд, три вопроса требуют особого внимания и приобретают особую остроту. Вопрос первый: произошло ли возвращение рассмотрения временной проблематики на концептуальный уровень? Вопрос второй: удалось ли сделать эту проблематику собственно философской, то есть произошло ли возвращение «к полемике философских концепций времени»? Вопрос третий и самый, на мой взгляд, важный: как теперь решается вопрос об онтологическом статусе времени, о его объективности и о его метафизических референтах после того, как диалектико-материалистическая традиция утратила официальный статус, а «среди отечественных философов стало модным дистанцироваться от этой ветви в развитии мировой философии»⁷²?

На мой взгляд, начать необходимо с третьего вопроса. Более того, ответ на него должен быть предельно четким, поскольку, как представляется, на деле имеет фактический уход от этого вопроса, и это, в свою очередь, приводит к размыванию онтологической проблематики в исследованиях темпоральности и подменой её чем-то иным. Будем рассуждать следующим образом. В рамках диалектико-материалистической традиции время рассматривалось как одна из форм бытия материи и считалось объективно существующим. Достигалось это, в свою очередь, за счёт того, что материя рассматривалась в качестве искомого метафизического референта объективной реальности. Возможность философски непредвзято рассматривать основные тезисы диалектико-материалистической традиции, однако, привела к тому, что именно в плане метафизических «притязаний» категория материи оказалась наиболее уязвимой⁷³. Я думаю, игнорировать этот факт как минимум методологически некорректно, если философское исследование претендует быть исследованием «научным», то есть включенным в актуальную философскую полемику, что, очевидно, подразумевает и должный уровень рецепции современных теоретических вызовов, особенно если учитывать тот факт, что в философских исследованиях метафизического характера исследователю очень трудно избежать ценностных

⁷² Левин Г.Д. Материализм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 472.

⁷³ Эта ситуация нашла предельно четкое отражение, например, в *Новой философской энциклопедии* (НФЭ). Характеризуя понятие материи, предложенное В.И. Лениным, Т.И. Ойзерман пишет, что «это сенсуалистическое определение понятия материи так же ограничено, как и сенсуалистический тезис, согласно которому предметы познаваемы, поскольку они воспринимаются нашими чувствами. Ведь существует бесчисленное множество материальных явлений, которые недоступны ощущениям. Связывание понятия материи с чувственными восприятиями вносит в ее дефиницию момент субъективности. Т. о., задача создания философского понятия материи не была решена» (Ойзерман Т.И. Диалектический материализм // НФЭ. М.: Мысль, 2010. Т. 1. С. 657). А вот, что пишет по этому поводу Г.Д. Левин. «Первые материалисты, обсуждавшие вопрос, что представляет собой материя как субстанция всех вещей, исходили из ее первичности по отношению к собственному сознанию как чего-то само собой разумеющегося. И лишь в 17 в., после формулировки Декартом принципа методологического сомнения и разработки Беркли аргументов в защиту субъективного идеализма, было признано, что обоснование этого исходного положения материализма – сложнейшая философская задача. Общепризнанного ее решения нет до сих пор» (Левин Г.Д. Материализм // НФЭ. Т. 2. С. 508).

предпосылок. Однако он всё-таки, так или иначе, скорее, игнорируется, а проблема времени, прежде всего проблема объективности времени, оказывается в этом отношении своего рода «лакмусовой бумажкой». Дело в том, что если категория материи по вполне объективным причинам не может на данный момент рассматриваться в качестве метафизического референта объективной реальности, то это означает, что у нас в действительности нет никаких оснований вслед за сторонниками диалектико-материалистической традиции утверждать, что время объективно, что называется, *a priori*, тем более если учесть при этом тот факт, что тезис об объективности времени сторонники диалектико-материалистической традиции именно отставали перед лицом оппонентов. И в данном случае дело, очевидно, не в том, «плохой» или «хорошей» является диалектико-материалистическая традиция (о «вкусах» в философии не спорят, пожалуй, как нигде), а в том, что если её сторонники (и не сторонники) продолжают (или только собираются) говорить об объективности времени, то они должны понимать, что это – тезис, который нуждается в обосновании, а не тезис *a priori*. Однако анализ целого ряда современных публикаций отечественных исследователей, напротив, свидетельствует о том, что эту проблему либо «не видят», либо предпочитают «не видеть». Это проявляется в следующем. С одной стороны, утверждения о том, что время объективно, можно встретить достаточно часто, более того, в ряде современных исследований они выполняют конституирующую роль⁷⁴, объективное время объявляется объектом исследования, и речь может идти о том, что «необходимо выявить и проанализировать основные свойства, присущие объективному времени»⁷⁵. Иногда, правда, тезис об объективности времени присутствует как бы в неявном виде, но это, по сути, делает ещё более заметным факт отсутствия рефлексии над проблемой объективности времени⁷⁶. С другой стороны, ни в этих, ни в других исследованиях невозможно обнаружить, чтобы данный вопрос проблематизировался на должном теоретическом уровне и помещался бы в фокус внимания в качестве вопроса метафизического, то есть вопроса о референтах времени в объективном мире.

В свою очередь, явно недостаточный уровень теоретической рецепции проблемы объективности времени, как представляется, оказал непосредственное влияние на состояние дел, которое сложилось относительно возвращения рассмотрения проблемы времени на концептуальный уровень. С одной стороны, проблемы методологии изучения времени⁷⁷, эпистемоло-

⁷⁴ См., например: *Гарбузов А.В.* Антропологическая концепция времени: Автореферат дис... докт. филос. наук: 09.00.13. Волгоград, 2011. С. 3–4; *Малокова О.В.* Эпистемология времени: темпоральные программы физики, культурологии и экологии: Автореферат дис... докт. филос. наук: 09.00.08. М., 2011. С. 16.

⁷⁵ *Малокова О.В.* Там же.

⁷⁶ Приведу лишь некоторые примеры. Так, говоря о «загадке времени», В.П. Казарян констатирует, что «время принадлежит не только внешнему миру, но и внутреннему миру человека» (Казарян В.П. Темпоральность и естественные науки. С. 30). И.А. Хасанов называет время «объективно-субъективным феноменом». В «Предисловии» к своей работе вначале он пишет так: «Диапазон имеющихся представлений о времени простирается от признания его обладающими физическими свойствами материальной субстанции или объявления чем-то исключительно субъективным до полного отрицания существования времени» (Хасанов И.А. Время как объективно-субъективный феномен. Словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 5). И здесь с автором невозможно не согласиться. Однако далее И.А. Хасанов пишет так: «Противоречивость и парадоксальность свойств времени, его эфемерность и несомненное реальное существование в значительной степени вызваны тем, что время, с которым повседневно имеет дело человек, представляет собой объективно-субъективный феномен, обусловленный восприятием объективного времени человеком через отражение его в субъективном времени сознания» (Там же). Сразу возникает закономерный ряд вопросов. Откуда автор знает, что время объективно? Разве кто-то из философов преуспел в доказательстве этого более, чем те, кто вообще отрицал реальность времени? К сожалению, ответов на эти вопросы в книге найти невозможно, не говоря уже о том, что содержание последней фразы оставляет ощущение того, что «противоречивость и парадоксальность свойств времени» в понимании автора вообще не являются свойствами объективного времени (да они, конечно, и не могут быть таковыми, если время объективно), а связаны именно с нашим восприятием времени. Но тогда получается, что время вообще нельзя считать самостоятельным объектом метафизики. Кроме того, в ряде работ, выражена тенденция, говоря о времени Мира, писать слово «Мир» с большой буквы, что не оставляет сомнений в том, что авторы имеют в виду именно объективное время (см., например: Левич А.П. Моделирование природных референтов времени: метаболическое время и пространство // На пути к пониманию феномена времени: конструкции времени в естествознании. Ч. 3. М.: Прогресс-Традиция, 2009).

⁷⁷ *Любинская Л.Н., Лепилин С.В.* Указ. соч. С. 38–39.

гия и антропология времени, наряду с традиционными проблемами научного понимания времени, в целом привлекают значительный интерес исследователей. А значит, хотя бы отчасти, рассмотрение проблемы времени действительно происходит на концептуальном уровне. Так, например, Л.А. Микешина в качестве самостоятельной предлагает рассматривать проблему «познание и время», для исследования которой она считает необходимым в качестве определенного регулятивного принципа и предпосылки «признать и разграничить подходы, которые традиционно могут быть обозначены как онтологический (метафизический), гносеологический (эпистемологический) и феноменологический»⁷⁸. И хотя в своей работе Л.А. Микешина тоже не обсуждает тему объективности времени специально, тем не менее, она высказывает важную мысль, которая, на мой взгляд, в какой-то мере позволяет понять причины того, почему в философии наблюдается известное «размывание» метафизического аспекта проблемы времени. «То, что во всей структуре познания представления о времени присутствуют *a priori*, – это», – пишет Л.А. Микешина, – «безусловно, фундаментальное свойство самого познания»⁷⁹. Время, таким образом, невозможно отделить от самой познавательной деятельности, и мне представляется, что это во многом обуславливает тот, без преувеличения, феномен, который мы наблюдаем, и который состоит в склонности исследователей признавать время объективным помимо и до рефлексии над основаниями этой объективности.

С другой стороны, тот концептуальный уровень обсуждения проблемы времени, который мы имеем в виде эпистемологии, феноменологии и антропологии времени, не позволяет достичь необходимого уровня её репрезентации, поскольку при этом без рассмотрения остаётся не только проблема объективности времени, но и целый ряд других вопросов, в частности, о топологии времени или о выборе между статической и динамической концепциями времени. Да и та проблема, которую сформулировал Аристотель (о том, существует ли время) и которую А.М. Анисов склонен рассматривать в качестве примера и своего рода эталона собственно философской проблемы времени (а, по существу, той же проблемы объективности времени, но только в иной форме), тоже остаётся без внимания. А ведь все перечисленные проблемы – это вопросы о времени самом по себе, о времени объективном, то есть те проблемы, которые традиционно относились к предметному полю метафизики в её классическом понимании. Поэтому я прихожу к выводу, что возвращение к метафизической проблематике времени, которую следует рассматривать как один из уровней концептуального рассмотрения времени, ещё не совершилось. Тому в современной философии есть, видимо, несколько препятствий. Одно из них связано с тем, что в настоящее время в эпистемологии доминируют неклассические тенденции, в контексте которых отрицается правомерность жёсткого разграничения субъекта и объекта, что в целом ставит под вопрос саму возможность метафизики времени в качестве одного из уровней концептуального рассмотрения, и это, видимо, объясняет, почему именно эпистемологическая и антропологическая проблематика в осмыслении времени вышла на первый план. Можно предположить, что преобладание неклассических тенденций в эпистемологии обусловило также и преобладание подхода к пониманию времени, который можно назвать культурологическим, поскольку ещё одной важной чертой неклассических тенденций является отказ от «наукоцентризма» – признания научного знания, прежде всего физики, единственной основой истинного знания вообще. Другое объективное препятствие на пути к этому – разработка релевантной методологии, предполагающей рефлексивность над фундаментальными эпистемологическими и онтологическими основаниями естественнонаучного и гуманитарного знания, наподобие той, которая, по крайней мере, декларируется в аналитической метафизике и которая должна прийти на смену методологии, фундированной диалектико-материалистической традицией; ведь понятно, что законность постановки тех или иных

⁷⁸ Микешина Л.А. Философия познания: полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 527–528.

⁷⁹ Микешина Л.А. Философия познания: полемические главы. С. 533.

вопросов о времени выбранными методологическими принципами обусловлена самым непосредственным образом. Но этого пока, видимо, не произошло. Проиллюстрировать последний тезис можно на примере междисциплинарных исследований времени, которые в современной отечественной философии рассматриваются в качестве одного из актуальных аспектов проблемы времени. На повестке дня стоит осмысливание феномена междисциплинарного характера времени и, прежде всего, вопрос о способе включения данных различных наук в наше знание о времени, то есть, касается предметного поля философии науки и методологии междисциплинарных исследований⁸⁰. «Необходимо выявить и проанализировать основные свойства, присущие объективному времени»⁸¹ – пишет в своей работе О.В. Малокова. «Поиск этих свойств должен опираться на результаты, полученные в разных науках, напрямую сталкивающихся с феноменом темпоральности. Речь идет, в первую очередь, о физике, биологии, гражданской истории и логике. Поскольку методы и понятийные каркасы перечисленных дисциплин различны, возникает проблема разработки общего языка и концептуального аппарата, позволяющих вести сравнительное обсуждение проблемы времени, сопоставлять выводы, полученные в этих науках»⁸². В правомерности замечания автора о том, что «понятийные каркасы перечисленных дисциплин различны», сомневаться не приходится. Но при этом возникает, как минимум, два других вопроса. Разве мы доказали, что время с необходимостью объективно? И, вообще, откуда следует, что перечисленные дисциплины изучают именно объективное время? Подобная постановка проблемы междисциплинарности требует, как минимум, предварительной рефлексии над фундаментальными эпистемологическими предпосылками научного знания и касается самостоятельного вопроса о соотношении научных знаний и объективной реальности, который, как известно, не имеет однозначного решения, предполагая, в качестве одного из вариантов, сугубо инструменталистскую интерпретацию данного вопроса. Поэтому, и этот тезис я буду отстаивать ниже, прежде, чем говорить о том, что междисциплинарный подход возможен в принципе в качестве предполагающего построение единого концептуального аппарата и при этом претендующего на то, чтобы изучать свойства объективного времени, необходимо решить сам вопрос об объективном времени и его метафизических референтах, и только после этого приступить к поиску релевантных эпистемологических средств! Поэтому я склонен думать, что характерная для отечественных исследований проблемы времени тяга к междисциплинарному подходу с присущим ему выраженным акцентом на то, что в его рамках изучается Мир и объективное время, это, на самом деле, явление, в своих глубинных основаниях связанное с влиянием диалектико-материалистической традиции. При этом, сразу оговорюсь, я вовсе не утверждаю, что этот подход неправильный. На мой взгляд наддисциплинарный характер феномена времени имеет глубокое объективное содержание. Однако тезис об объективности времени нельзя рассматривать в качестве априорной предпосылки этого подхода.

Другой пример. Если мы обратимся к тому, что имело место в рамках диалектико-материалистической традиции рефлексии проблемы времени, то обнаружим, что там всё-таки существовали вполне определенные общепризнанные темы, которые становились предметом дискуссий, например, о формах времени, о концепциях времени и т. п. Совсем иначе обстоит дело в современной философской онтологии. Приходится констатировать, что практически все немногочисленные работы о времени, написанные в период с начала 90-х годов, в которых говорится именно о свойствах объективного времени самого по себе и предлагаются те или иные модели этого времени, – это работы, написанные в рамках диалектико-материали-

⁸⁰ Малокова О.В. Эпистемология времени: темпоральные программы физики, культурологии и экологии: Автореферат дисс. докт. филос. наук. С.16.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

стической традиции⁸³. Более того, это работы, ярко выраженной чертой которых, при том, что категория времени в них рассматривается как категория философская, является стремление осмыслить время не только как категорию философскую, но и как категорию, которая может быть рассмотрена в свете данных естественных наук, то есть в рамках методологической парадигмы, свойственной диалектико-материалистической традиции изучения времени.

Однако сами упомянутые вопросы о реальности времени и о его топологии, например, при этом никуда ведь не исчезли с утратой диалектико-материалистической традицией своих метафизических позиций! Если мы отказываемся от этой традиции в качестве инструмента понимания времени или отказываемся от наукоцентризма, что вполне справедливо, разве это означает, что вместе с этим исчезают проблемы начала времени или его необратимости?! Если эти проблемы долгое время и рассматривались как «внутренние» проблемы диалектико-материалистической традиции или как «внутренние» проблемы науки, то это не должно совершенно заслонять от нас того момента, что это – проблемы не только научного понимания времени, но проблемы именно метафизические, хотя бы в том смысле, что они предполагают и допускают самостоятельный логико-теоретический анализ, а также и того, что учение об объективном мире существует не только в рамках диалектико-материалистической традиции. Считать, что эти проблемы утратили свою актуальность можно было бы только в одном единственном случае – если бы времени было отказано в объективности; тогда да, эти вопросы можно было бы рассматривать как вопросы по своей природе антропоразмерные, вопросы о человеке и его бытии во времени, но если время признается объективным, то, очевидно, метафизические вопросы вполне сохраняют свое самостоятельное значение. Именно в этом – в несоответствии степени рецепции в современных исследованиях фундаментально проблемного характера вопроса об объективности времени, непосредственно связанного с вопросом о его метафизических референтах, с одной стороны, и активного использования представлений об объективности времени в качестве важной предпосылки в его понимании, – с другой, я вижу одну из характерных черт и своего рода интегральное выражение состояния проблемы времени в современной отечественной философии.

Если что и считать ярко выраженной и новаторской чертой современного этапа рефлексии проблемы времени в отечественной философии, то это – интерес к рассмотрению проблемы времени в её историко-философском контексте. На мой взгляд, именно в этой области мы имеем своего рода переходный этап к возвращению проблемы времени на концептуальный уровень рассмотрения. Поясню свою точку зрения. Если обратиться к работе Ю.Б. Молчанова, то можно обнаружить следующее принципиальное замечание автора, которым он сопровождает свое видение вопроса об объективном времени. «В настоящее время», – пишет он – «состояние развития как естественных наук, так и философии позволяет дать на него вполне определенный ответ. Однако анализ исторического аспекта представляет существенный методический, методологический и мировоззренческий интерес»⁸⁴. Сходную точку зрения М.Д. Ахундова, для которого ценность взглядов мыслителей прошлого поставлена в зависимость

⁸³ *Лолаев Т.П.* Пространственно-временная структура Вселенной и закон ее функционирования / Т.П. Лолаев. Владикавказ, 1998; *Лолаев Т.П.* Функциональная концепция времени: Моногр. / Под ред. докт. Филос. наук, проф. Казарян В.П.; Сев. – Осет. гос. ун-т. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1994; *Хасанов И.А.* Время как объективно-субъективный феномен. Словарь (2011); *Хасанов И.А.* Время: природа, равномерность, измерение. М.: Прогресс-традиция, 2001; *Хасанов И.А.* Феномен времени. Ч. I. Объективное время. М., 1998. Что касается вопроса о том, как эту принадлежность определить в том случае, если автор не делает таких заявлений напрямую, то, как представляется, критерий для этого очень прост: нам следует признать в качестве такового отсутствие рецепции статусности приведенных выше аргументов против возможности метафизического понимания материи. Данное замечание относится и к тем случаям, когда авторы используют менее метафизически нагруженный термин «материальные объекты», поскольку проблема метафизических референтов таких объектов, если при этом наличествуют реалистические и антифеноменалистические тенденции в понимании этих объектов, присущие диалектико-материалистической традиции, полностью сохраняет своё значение.

⁸⁴ *Молчанов Ю.Б.* Проблема времени в современной науке. С. 7.

от научного понимания времени, я уже приводил выше⁸⁵. А вот совершенно противоположное мнение известного современного исследователя проблемы времени П.П. Гайденко, которое она высказывает в завершении анализа взглядов ряда античных авторов на проблему времени: «Рассмотренные нами концепции времени – Зенона Элейского, Плотина, Аристотеля и Платона – являются, пожалуй, наиболее значительными в античности. Они не утратили своего теоретического значения и по сей день. Учитывая ту актуальность, которую проблема времени приобрела в XX веке в связи прежде всего с созданием теории относительности в физике, приведшей к пересмотру классических представлений о времени, а также с попытками философов разработать концепцию исторического времени как фундамента постметафизической философии (я имею в виду В. Дильтея, М. Хайдеггера, Г. Гадамера и др.), отметим, что обращение к античным концепциям времени имеет не только исторический интерес. Размышления о времени Платона, Аристотеля, Плотина по своей глубине превосходят многое из того, что на этот счет высказывалось в Новое и новейшее время, и могут пролить дополнительный свет на те вопросы, которые волнуют нас сегодня»⁸⁶. Сходную точку зрения высказывают В.В. Миронов и А.В. Иванов: «не рано ли мы отбросили те представления о пространстве и времени, которые господствовали в более ранние периоды человеческой истории? ... поэтому для лучшего понимания пространства и времени ... необходимо вспомнить и проанализировать те представления о них, которые существовали в прошлом»⁸⁷. О «плодотворной «идейной переключке» современной науки с античным наследием» говорит В.П. Визгин⁸⁸. Следует также отметить, что появляются исследования, авторы которых предпринимают практические попытки обращения к эвристическому потенциалу античных учений о времени и вечности⁸⁹. Приведенные альтернативные взгляды на решение вопроса о значении взглядов мыслителей прошлого для постижения времени, как представляется, наглядно демонстрируют, что именно в данном аспекте проблемы времени мы имеем наиболее значительную эволюцию за последние десятилетия.

Возникает вопрос: какой точке зрения отдать предпочтение? Вопрос этот следует считать чрезвычайно актуальным, хотя это вряд ли ещё понято в полной мере. Поэтому мне особо хочется подчеркнуть: это – вопрос такого рода, который современные исследователи, если хотят вести речь об объективном времени и его свойствах, просто не имеют права игнорировать именно в связи с тем, что тезис об объективности времени в его диалектико-материалистической интерпретации как минимум оказывается не лучше, чем другие возможные способы представления объективного времени, которые имели место в истории философии. Фактическое состояние дел показывает, что это вопрос чрезвычайно острый, и в его решении роль ценностных предпосылок настолько велика, в силу чрезвычайной мировоззренческой значимости тех выводов, которые следуют из любой принимаемой исследователем точки зрения, что на данный вопрос едва ли можно получить ответ; и это, несомненно, фактор, который необходимо учитывать, когда речь идёт о выборе релевантной методологии исследования времени. Однако, даже сторонники «прогрессистского» взгляда на время вряд ли могут отрицать тот факт, что изучение истории представлений о времени в европейской философии позволило вскрыть то

⁸⁵ Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция перспективы. С. 168.

⁸⁶ Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. С. 50–51. Данное исследование, безусловно, выделяется ещё и в том отношении, что его автор систематически использует «логику теоретический анализ понятия времени» (Там же. С. 4), тем самым практически «возрождая» этот метод рефлексии проблемы времени в отечественной философии.

⁸⁷ Миронов В.В., Иванов А.В. Онтология и теория познания. М.: Гардарики, 2005. С. 192.

⁸⁸ Визгин В.П. Эюд времени // Философские исследования. 1999. № 3. С. 149. Примечательно, что автор статьи в данном случае в качестве примера приводит теорию относительности, считая, что она «ближе к представлениям древних о пространстве и времени» (Там же. С. 149). Таким образом, перед нами пример того, что полемика вокруг значения теории относительности для понимания времени ещё далека от своего завершения, и эта ситуация во многом сходна с той, что имеет место в современной англоязычной философии времени.

⁸⁹ Севальников А.Ю. Современное физическое познание: в поисках новой онтологии. М., 2003.; Севальников А.Ю. О возможности нового понимания реальности // Философия науки. Вып. 14: Онтология науки. М.: ИФ РАН, 2009. С. 144–157.

обстоятельство, что эти представления демонстрируют сильную зависимость от внешних факторов, и ситуация здесь в целом аналогична той, что сложилась в философии науки в споре между сторонниками нормативного и дескриптивного подходов. И именно поэтому вопрос о предпосылках, как метафизических, так и эпистемологических, тех или иных взглядов выходит на первый план, а взгляды авторов предшествующих эпох не могут считаться утратившими актуальность. В этих условиях, как представляется, проблема возможных «белых пятен» в изучении истории взглядов на время в европейской философии, как и проблема интерпретации, включая разработку методики сравнительного анализа, этих взглядов, приобретает особое значение и может рассматриваться как один из важных аспектов проблемы времени, который может помочь в экспликации новых аспектов проблемы времени и уточнении содержания уже известных.

1.2.4. Постановка проблемы времени в работах современных авторов и вопрос об объективности времени

Последний аспект проблемы времени в современной отечественной философии, на который следует обратить внимание, касается самой постановки проблемы времени. В рассмотренных выше работах Я.Ф. Аскина и Ю.Б. Молчанова эта тема, как мы видели, сама оказывается в фокусе внимания, а Ю.Б. Молчанов особо выделяет её в качестве самостоятельного объекта изучения и систематически перечисляет её основные аспекты. Поэтому нас не может не интересовать вопрос о том, что с тех пор изменилось в самой постановке проблемы времени, в расстановке акцентов, в иерархии вопросов и т. п. Выше мы обращали основное внимание на те тенденции, в рамках которых за последние четверть века происходила (или не происходила, вопреки возможным ожиданиям) актуализация тех или иных тем, но при этом следует отметить, что все эти тенденции касаются скорее отдельных аспектов проблемы времени и не находят своё продолжение в том, чтобы рассмотреть саму проблему времени в том систематическом виде, как это предлагал делать Ю.Б. Молчанов.

Отвечая на этот вопрос, приходится признать, что тема, которую можно условно назвать «проблема времени как проблема» до сих пор практически не получила своей разработки в систематическом виде. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что О.В. Малюкова в своей докторской диссертации в числе положений, составляющих «научную новизну диссертационного исследования» помещает следующее: «предложен вариант создания иерархии проблем и парадоксов времени»⁹⁰

⁹⁰ Малюкова О.В. Эпистемология времени: темпоральные программы физики, культурологии и экологии: Автореферат дисс. докт. филос. наук. С.11.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.